

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ПОЭЗИЯ ГУЛАГА КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ

© 2018 г. К. Пьералли

*Флорентийский Государственный Университет,
Флоренция, Италия*

Дата поступления статьи: 30 января 2018 г.

Дата публикации: 25 июня 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-144-163

Аннотация: Цель статьи — представить корпус стихотворений, созданных жертвами политических репрессий в Советском Союзе, с точки зрения опубликованных сборников и главных научных работ, касающихся прежде всего текстов сталинской эпохи. В исследовании обозначены теоретические и эпистемологические рамки для изучения и определения данного литературного явления истории русской культуры XX в. Речь идет, во-первых, о возможности рассмотреть эти литературные тексты в связи с понятием свидетельства и, во-вторых, о попытке выявления определенной специфичности структурного и эстетического взаимодействия свидетельствующей функции с художественно-литературным преобразованием в особом случае стихотворчества. Данный корпус текстов рассматривается как материал для изучения статуса поэтического слова как эстетического средства, способного дать историческое (и художественное, шире — культурное) свидетельство о советской концентрационной системе. В статье выявляются художественные приемы, при помощи которых осуществляется свидетельская функция. В данной теоретической постановке корпус поэтических текстов политзаключенных составляет одно специфическое целое в истории русской литературы XX в. и таким следует его представить и в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: литературное свидетельство, поэзия ГУЛАГа, лагерная поэзия.

Информация об авторе: Клаудия Пьералли — PhD по русской литературе (Миланский университет), доцент (Tenure Track Ass. Professor) русской литературы XX в. Флорентийского университета, Piazza di San Marco, 4, 50121 Firenze FI, Италия.

E-mail: claudia.pieralli@unifi.it

Для цитирования: Пьералли К. Поэзия ГУЛАГа как литературное свидетельство: теоретические и эпистемологические обоснования // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 2. С. 144–163. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-144-163

GULAG POETRY AS LITERARY TESTIMONY: POETICAL AND EPISTEMIC FRAMEWORK

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2018. C. Pieralli

*Florence State University,
Università degli Studi di Firenze,
Florence, Italia*

Received: January 30, 2018

Date of publication: June 25, 2018

Abstract: The present survey aims at presenting the corpus of verses composed by the victims of political repressions in the Soviet Union from the point of view of published collections and main critical works, concerning, above all, Stalinian era's texts. At the same time, the study attempts to elaborate a theoretical and epistemic framework within which we can reasonably approach the study of this literary phenomenon of the 20th century Russian history of culture. We deal, first of all, with the possibility of considering these literary texts in relation to the concept of Testimony, and second, with the attempt to highlight specific structural and aesthetical interrelation between the testimonial function and its literary transfiguration in the specific context of poetical creation and expression process. Later, this corpus of texts is regarded as material for the study of the status of poetical word as an aesthetic object which is able to provide a historical (artistic – widely cultural) testimony of Soviet concentration system. Following this assumption, I will outline the literary means and techniques by which the testimonial function is carried out. Within this theoretical framework, the corpus of poetical texts by Soviet political prisoners constitutes a specific whole in the history of the 20th century Russian literature and should be considered as such in the future studies of the subject.

Keywords: literary testimony, Gulag poetry, “lager” poetry.

Information about the author: Claudia Pieralli, PhD in Russian Studies Tenure Track Associate Professor of Russian Literature, University of Florence, Italy.

E-mail: claudia.pieralli@unifi.it

For citation: Pieralli C. Gulag Poetry as Literary Testimony: Poetical and Epistemic Framework. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 2, pp. 144–163. (In Russ.)

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-144-163

1. Библиографический обзор антологий и исследований¹

После падения СССР публикация стихотворных сборников и научно-критических работ шла с разной скоростью. Это, впрочем, характерно для области исследований, которая впервые становится предметом интереса общества в целом и академического сообщества, в частности. С недавнего времени можно отметить появление значительного количества антологий с произведениями русскоязычных поэтов — жертв советского режима. Первыми ласточками здесь были: сборник «Зона», изданный в Перми [10], антология «Средь других имен» [26] и, более системно, мини-сборники «Малой серии» — «Поэты — узники ГУЛАГа», изданные под редакцией Заяры Веселой при поддержке московского общества «Возвращение» в самом начале 1990-х гг. Все эти издания вышли малыми тиражами с использованием очень скромных технических и финансовых средств, а за ними последовала череда других, опубликованных в разных городах и регионах постсоветской России².

¹ См. также: [48].

² Поскольку речь идет об изданиях ограниченного тиража (500 экземпляров каждое), не во всех российских библиотеках, в которые мы обращались, имеется полный комплект этих сборников, общее число которых превышает 30. Позже автор и редактор проекта Заяра Веселая подготовила еще два «сборника сборников», в которых повторно опубликовала наиболее яркие стихи из тех, что уже были опубликованы в разных выпусках «Малой серии», и ко второму сборнику также написала длинное историко-литературоведческое предисловие (см.: [21]). В этой серии можно наблюдать особое внимание к «женской» лирике (см., в частности: [9]). Самый полный список поэтических сборников, авторами которых были жертвы политических репрессий, можно найти в электронном каталоге на эту тему, включенном в каталог Международного мемориала, где приведены целых 124 заглавия: <http://lib.memo.ru/biblio/rubrlist/id/941>. Богат сведениями также каталог московского центра А. Сахарова, где, впрочем, на слово «поэзия» упоминается лишь немного изданий.

Принципы, на которых строились как первые, так и последующие антологии, были крайне разрозненными: от «авторского» подхода (выбор только «крупных» авторов, как Анна Баркова³ или Варлам Шаламов⁴, или, иногда, авторов совершенно неизвестных) до «краеведческого» или «этнографического» подхода, когда в сборнике представлены авторы-заключенные, чей тюремный опыт относится к какой-то одной конкретной тюрьме, лагерю или комплексу лагерей (например, Соловки, Колыма, Инталаг, Воркута, БАМлаг)⁵. Значимые поэтические свидетельства были оставлены также заключенными, чьим родным языком были украинский и белорусский⁶, они также были опубликованы в авторских сборниках (ср.: [7] и [6]) или изданиях, основанных на географическом расположении лагеря⁷. Стремление сохранить поэтическую память в годы, следовавшие за распадом СССР, наиболее значимо отразилось в обширном и разнообразном сборнике «Поэзия ГУЛАГа», изданном в 2005 г. под редакцией недавно ушедшего от нас поэта и бывшего политзаключенного Семена Виленского. Отдельное исследование можно было бы посвятить обзору неизданных текстов и архивам, в которых находятся эти источники, благодаря которым литературная память о репрессиях могла бы быть восстановлена во всей своей полноте⁸.

3   Ей посвящен один из сборников «Малой серии», а с 1990-х гг. о ней публикуются также монографические работы: [3; 23; 2; 25].

4   Помимо изданных в России сборников, в Италии также вышел сборник избранных стихотворений Шаламова в итальянском переводе [50].

5   Среди этих антологий упомянем: [15; 34; 18; 14]. Также см. стихотворения репрессированных поэтов в журналах «Соловецкие острова» и «Карело-Мурманский край», газетах «Новые Соловки» и «Советское беломорье». По тому же «местному/этнографическому» принципу составлены и сборники № 2 из «Малой серии»: [25].

6   Что касается украиноязычных и белорусскоязычных поэтов, в данной статье цитируются только переводные издания на русском или на двух языках.

7   Среди этих сборников, помимо вышеупомянутой подборки украинских поэтов, заключенных в лагерях Инталии и Воркуты (и те, и другие расположены в Коми) в 40-е и 50-е гг., назовем здесь и сборник: [27]. Редчайшим свидетельством тюремного Самиздата и Тамиздата является также публикация А. Шифриным антологии в Израиле в 1978 г. [19], которая наряду с произведениями русских писателей, например Ю. Домбровского, включает стихи таких украинских поэтов, как Василь Стус и Евгений Сверстюк, испытавших вместе заключение в Дубровлаге.

8   Большинство неопубликованных свидетельств на русском языке (стихи, воспоминания, дневники, рассказы) о Гулаге, тюрьмах и ссылках в советскую эпоху хранится в Доме русского зарубежья им. Солженицына в Москве (Фонд № 1, «Всероссийская мемуарная библиотека — ВМБ»). Сбор рукописей, частично изданных в серии «Исследования новейшей русской истории», был предпринят самим А. Солженицыным в 1975 г. (см.: [46, с. 224, сноска 6]). Другие внушительные коллекции, содержащие лагерные и тюремные стихи как

Таким образом, если с точки зрения публикаций текстов мы видим заметную активность, с точки зрения их научного осмысления можно отметить, напротив, состояние некоей «инертности» или «стагнации». Существующие работы не только малочисленны, но и в большинстве своем отдают предпочтение описательно-этнографическому подходу, опирающемуся на место заключения политически репрессированных [14; 13; 27; 11; 22], или исходят из «авторского» принципа, сосредоточиваясь прежде всего на такой выдающейся фигуре, как А. Баркова [30; 29; 28; 35]⁹. Наконец, образцы поэзии, опубликованные в печатных органах ГУЛАГа, были использованы как источники для исследования системы культурной работы в трудовых лагерях [38]. Исключением из этого исследовательского подхода является опыт Леонида Таганова [29], который в своей работе впервые попытался увидеть поэзию ГУЛАГа как однородный корпус поэтических текстов и включить его в этом качестве в более широкий контекст русской литературы XX в. Исследователь использовал тот же подход в своей первой монографии о поэтическом творчестве Барковой [30], за которой последовали другие подробные исследования, посвященные творчеству поэта из Иваново.

2. Статус поэтического текста как исторического свидетельства

С учетом специфики ситуации в Советском Союзе, данный корпус текстов рассматривается в нашем кратком исследовании не столько как предмет для литературного анализа поэтического произведения, сколько как материал для изучения статуса поэтического слова как эстетического средства, способного дать историческое (и культурное) свидетельство о со-

мужчин, так и женщин — жертв режима, находятся в Архиве политических репрессий в СССР (1918–1956) при Международном Мемориале в Москве, где имеется также «Устный архив женской памяти Гулага», и при виртуальном музее Сахаровского центра в Москве. Что касается, в частности, Гулага в 1930-е гг., другие многочисленные источники разбросаны в областных архивах и библиотеках, где хранятся периодические издания лагерной печати, а также на квартирах друзей и родственников политзаключенных (ср.: [26, с. 12]).

⁹ Это касается также сборника трудов, посвященного А. Барковой [1], достоинство которого состоит в том, что творчество поэтессы анализируется в контексте мировой литературы XX в., хотя и не как образец специфического направления словесной культуры в советскую эпоху, т. е. поэзии, связанной с опытом политических репрессий. Несколько страниц недавно вышедшей статьи [39, с. 185–190] посвящено творчеству Н. Заболоцкого как поэта Гулага.

ветской концентрационной системе¹⁰. Это свидетельство, которое в случае так называемой «литературы ГУЛАГа» становится «первым следом при отсутствии каких бы то ни было следов» [42, с. 184]. Эти тексты «подпольно заняли место, оставшееся свободным из-за отсутствия других официальных форм свидетельств, таких как публичные свидетельские показания в рамках судебных процессов или официальные речи политиков» [43, с. 11], а также в отсутствие научных историографических исследований, основанных на доступных для изучения архивных документах.

В ситуации, когда статус литературы как свидетельства признан всеми изначально¹¹ и каждый писатель-свидетель задумывает свою прозу как документ (ср., среди прочего, «О прозе» В. Шаламова¹²), но вырабатывает при этом собственные повествовательные средства, подчеркивающие достоверность и подлинность предлагаемого свидетельства (Александр Солженицын и Варлам Шаламов представляют в этом два противоположных случая), поэзия приобретает еще более «документальный» статус, не теряя при этом лирического накала, пусть и скупым выражением которого она остается. Поэтический текст, созданный в заключении, формально и по замыслу построен проще, чем текст прозаический (часто написанный после освобождения), потому что подлинность гарантирована ситуацией, в которой автор находится в сам момент творчества, — заключение¹³. «Перфор-

¹⁰ Существуют многочисленные работы, посвященные роли литературной прозы как свидетельства чрезвычайных испытаний в эпоху тоталитарных режимов прошлого века, в особенности теме Холокоста, которая, конечно, не является предметом данной работы (ср., среди других: [44]). Что касается применения теоретической и методологической основы к художественной литературе о Гулаге, см. прежде всего: Jurgenson L. *Trace et témoignage dans l'oeuvre de V. Salamov*. Habilitation à la Direction des Recherches (HDR), soutenue à la Sorbonne le 2 octobre 2009.

¹¹ О значимости этой литературы как источника познания концентрационного мира ещё в эпоху его существования пишет М. Геллер [5, с. 9–10] в предисловии к своей книге *Концентрационный мир и советская литература*. Далее следуют монографические труды, развивающие это направление [45; 51]; данное направление рассматривает бифункциональность текстов, т. е. выполняющих и «информационную», и «эстетическую» функцию, в зависимости от момента их восприятия читателями.

¹² «А в более высоком, в более важном смысле любой рассказ всегда документ — документ об авторе, — и это то свойство, вероятно, и заставляет видеть в Колымских рассказах победу добра, а не зла <...> Переход от первого лица к третьему, ввод документа» [33].

¹³ Относительно свидетельства о Холокосте некоторые ученые утверждают, что время и молчание играют значительную роль в искажении травматического события, вспоминаемого впоследствии автором/жертвой [36, с. 79]. Следовательно, написанное в заключении повествование представляет собой ценный источник информации в смысле доподлинности,

мативность» и достоверность свидетельства, следовательно, «обеспечены самими условиями порождения текстов» [42, с. 185], но совершенно иным способом, чем в литературной прозе. Поэзия, в еще большей степени чем проза, строится как «след первого следа»: текст часто пишется тем, кто переживает страдание в тот же самый момент, тем, кто конечно же ничего не знает о возможной реакции своей будущей публики вне зоны в случае, если наступит освобождение, а также ничего не знает о социально-политическом контексте, в котором окажется написанное им (в случае, если будет опубликовано). Поэзия может таким образом оказаться сопоставима с моделью построения исторического знания, предложенной Полем Рикёром [23, с. 191–414], а затем подхваченной Мишелем де Сертом, в связи с «историкографической операцией»: поэзию, написанную в ГУЛАГе (в широком смысле), можно было бы считать *функционально* соответствующей первой фазе, «документарной» (которую не следует понимать, как это делает Рикёр, как публичную дачу свидетельских показаний), а, с точки зрения *перформативной*, соответствующей третьей стадии, т. е. стадии «репрезентации» или «литературного оформления»¹⁴. Речь идет, следовательно, о том, что Люба Юргенсон [40, с. 21–24] определяет как «черновик уровня 0 (или нулевой текст)»: «...род пред-текста, задуманный в момент, когда субъект переживает реальность, которая станет предметом его текста» [46, с. 225]; этот «пред-текст», согласно модели исторического исследования, соответствующей уликовой эпистемиологической парадигме, предложенной Карло Гинзбургом [37, с. 158–209], имеет полное право участвовать в конструировании исторического знания. «Значение концепции К. Гинзбурга, — объясняет Рикёр, — в том, что она кладет начало диалектической взаимосвязи между уликой и свидетельством в рамках понятия следа, в результате чего понятие документа обретает всю свою полноту» [23, с. 247]¹⁵.

Ценность поэтических текстов как свидетельств часто недооценивалась в немногих исследованиях, посвященных этому комплексу матери-

максимальной правдивости пережитого, достоверности психоэмоционального восприятия действительности [48, с. 388].

¹⁴ Модель Рикёра еще раз оказывается неэффективной для изучения свидетельств о Гулаге в качестве исторических источников, как уже было доказано в отношении литературной прозы [42; 41, с. 268].

¹⁵ Согласно Рикёру об уликовой парадигме можно говорить прежде всего в связи с письменными свидетельствами [23, с. 240].

алов: «...its function is not primarily testimonial, but aesthetic/and or moral», — пишет Гуллотта [39, с. 182], перефразируя то, что было уже написано Токер («the creative impulse behind composition of poetry is less associated with the imperative to testify» [51, с. 8]). Иным является подход Юргенсон, которая предлагает различать литературные тексты первого и второго уровня, преодолевая таким образом противоречие между главенством эстетического и главенством документального: определение «уровня», к которому принадлежит текст, позволяет, по мнению Юргенсон, выявить природу соотношения между пережитым опытом и его литературным преобразованием в соответствии с постепенно увеличивающейся психической и лингвистической дистанцией по отношению к произошедшему. Это понятие уровня позволяет отличать формально-эстетические средства, избираемые автором для того, чтобы представить *как* (ряд 1) от тех, что он использует для того, чтобы показать *почему* (ряд 2) лагерной жизни (а не принадлежность написанного к «тексту памяти» или «литературному тексту», как ошибочно считали [39, с. 182, прим. 19]. Эта теория позволяет показать, каким образом в наиболее значимых текстах лагерной прозы функция свидетельства становится возможной **именно** благодаря акту творчества. В частности, для произведений в прозе (ряда 1 и 2) «эта функция осуществляется как раз за счет преодоления, преобразования этой невозможности» свидетельствовать [40, с. 26]¹⁶. С этой точки зрения поэзия, написанная в заключении, представляет собой особый случай лагерной литературы: автор, находясь на месте, не сталкивается с проблемой невозможности, из которой рождается прозаическое письмо *a posteriori*, которое неизбежно должно начинаться с поиска идентичности и подлинного языка, которые позволили бы перенестись в «то самое» место действия. Таким образом, различие с прозой заключается как раз в том, что свидетельская функция

16 Фундаментальное исследование Юргенсон о невыразимости концентрационного опыта обнаруживает в текстах уровня (или ряда) 1 («книги-изображения») поиск языка как средства попытки осуществить невыполнимую задачу — фотографически воспроизвести для читателя образ лагеря, соответствующий реальному моменту восприятия (т. е. в его непосредственной данности), в то время как в текстах ряда 2, более отдаленных во времени, автор задается вопросом о причинах случившегося и неизбежно использует другие формально-эстетические приемы, чтобы сделать это. Текст 2 ряда, более отдаленный во времени от прожитого, отсылает «археологически» к тексту 1 ряда, чтобы подтвердить собственную аутентичность, а этот последний, в свою очередь, отсылает к черновику, или тексту ряда 0 [40, с. 21–24 и далее].

в случае с поэзией только *освобождена* от лингвистической и, следовательно, эстетической проблемы «высказываемости» и может быть осуществлена в большинстве случаев при помощи самых элементарных формальных элементов: к ним относятся, прежде всего, использование реального первого лица, которое соответствует лирическому «я», и настоящего времени, которое выражает одновременность действия и рассказа о нем.

Рассмотрим в рамках этого теоретического подхода, какие приемы использует поэзия для того, чтобы обозначить себя как историческое свидетельство и можно ли в свете этого считать ее (литературным) инструментом познания лагерного мира и, в более широком смысле, советской репрессивной системы¹⁷.

3. Свидетельствовать в поэзии

Прежде всего уместно заметить, что уровень осознанности, которая есть у поэтов в заключении относительно причин их творчества, насколько об этом можно судить по их текстам, колеблется между самым общим ощущением и ясностью императива, а именно необходимости свидетельствовать, как в двустишии из стихотворения Елены Тагер «Если бы только хватило силы», написанном в 1946 г. [31, с. 4] на Колыме: «Это книга о русском народе / я должна ее дописать», или в стихотворении Нины Гаген-Торн [4, с. 7] «Теперь» из сборника «Отражения» («Не хуже, не лучше других — / равноценна моя строка. / Потому что это не стих: / иероглиф и знак века. / Потому что это не боль — / сгусток истории в нас. / Как лучину эпоха колет душу, / чтобы ярче зажглась»¹⁸).

Многочисленны подробности лагерного быта и жизни «на зоне» вообще, которые мы можем найти в поэтических свидетельствах и которые можно считать полезными для выработки более подробного исторического знания. Так, Виктория Гольдовская [10, с. 20] сообщает, как и когда писались стихи в тюрьме и при переводе из одного места заключения в другое («На мятых клочках бумаги / в долгих трудных этапах / разными карандашами написаны эти стихи»).

17 Об отношениях между художественной литературой как свидетельством и её пригодностью в качестве исторического источника, а также по поводу взаимодополняемости этих двух способов переработки опыта см.: [41; 52; 24; 17].

18 Стихотворение было повторно опубликовано в антологии, составленной С. Виленским [20, с. 267].

Из поэмы «Колыма» Елены Владимировой мы узнаем, например, что в колымских лагерях утренний выход на работы мог сопровождаться музыкой оркестра заключенных, который представлял как мрачный и ужа-сающе-гротескный выход музыкантов, похожих на скелеты и двигавшихся неуклюже, подобно деревянным куклам [20, с. 330]:

Фальшиво, дико, сухо, резко
как жесть, гремящая о жесть,
звучала музыка оркестра...
В снега уставив свой костыль,
окоченев в бушлате рваном,
безногий парень колотил
в тугую кожу барабана;
худой и желтый, как скелет,
вот-вот готовый развалиться,
дул кларнетист, подняв кларнет,
как черный клюв огромной птицы;
у посиневших мертвых губ
двух трубачей, стоявших тут же,
блестела медь огромных труб,
жестокое раскаленных стужей.
Казалось, призраки сошлись
в холодном сумраке рассвета <...>
Оркестр старался, как умел,
жестоким холодом затравлен <...>
над жалким скопищем людей,
желавших отдыха и хлеба,
в циничной наглости своей
бравурный марш вздымался к небу.
Он нагонял людской поток,
плывущий медленно за зону,
и спины согнутые сек...

Картина рабочего утра на Колыме передается поэтессой остро реали-стически, благодаря использованию тонких эстетических приемов: образы,

построенные на оксюморонах, как, например, медь духовых инструментов, «раскаленных стужей», персонажи, обозначенные прямыми метафорами (скелеты, призраки) и представленные читателю через изображение отдельных частей тела. Тела описываются или через метафорические сближения (высохшее желтое тело, подобное скелету, кларнет, подобный черному клюву огромной птицы), или через метонимию (синие губы для обозначения трубочей, которые появятся строкой позже). В отличие от «музыкантов», анонимные участники рабочей команды не представлены как индивидуальности, а изображены как бесформенная нерасчлененная масса, которая устало перемещается, как жалобный поток, где единственная различимая деталь — это одинаково согнутые спины, и нет ни одного лица.

Композиционное построение основано на ряде контрастов: противопоставление тень/свет соответствует противопоставлению горизонтали/вертикали, которое музыка вводит в повествовательную организацию сценического пространства: с одной стороны, рабочая команда, замкнутая в себе, с трудом движется вперед (в то время как марш «спины согнутые сек»), с другой — подъем к небу, т. е. поощрение к работе, воодушевление, которым марш призван взбодрить дух (и тело) заключенных.

В сочинении под названием «Сомнение» Евгения Гинзбург [8, с. 12–13] показывает нам изнутри барака отчаяние одной из бесчисленных ночей и одного из бесчисленных утренних часов на Колыме:

Темным утром под лагерной аркой,
 так залиvist овчарочий лай...
 В унисон и конвой и овчарки
 все кричат нам: 'Быстрее! Давай!'
 Темной ночью, в удушье барака
 так прерывист подавленный стон...
 Нет, не всякий здесь спит... зато всякий
 видит свой изнурительный сон.
 И в бессонном полуночном бдении
 не надеясь увидеть рассвет,
 Я вдруг чувствую злое сомнение:
 был ли мальчик-то, может, и нет?
 Вправду ли высились книги на полки?..

Во второй части поэт углубляется в собственные мысли, где возникает сомнение, не всегда ли существовало это отчаяние и была ли когда-то нормальная жизнь, сын: отныне реальность «зоны» искажает восприятие также своего собственного прошлого.

Из стихов Гаген-Торн под названием «Возвращение», в которых звучит радость освобождения и горечь при виде безразличия окружающих, мы можем узнать, как встречали политических заключенных (зеков) их советские сограждане по возвращении с «зоны» [20, с. 268]:

Как странно тем, кто видел Смерть
вернуться в жизнь опять <...>
Ты даже думать не умел
О том, как жили те,
кто оставался за чертой,
в спокойном лете лет.
Как странно тем прийти домой,
кто видел Смерти свет!

Картина пространства в этом стихотворении подчеркивает отсутствие типичных примет лагеря (нары, наблюдательные вышки, бараки), но пространство вне «зоны» не возвращает выжившему покой, на который он надеялся, а, наоборот, создает огромную неуверенность в происходящем.

Если теперь рассмотреть, каким образом поэтический материал представлен глазу читателя, можно обратить внимание, что некоторые из сборников, изданных в «Малой серии», построены по принципу двойного следа, текстуального и визуального: рядом с поэтическим свидетельством расположены рисунки и изображения, подобно тому как это сделала Ефросинья Керсновская в своей автобиографической книге «Сколько стоит человек?». Эти «сцены из жизни» мест заключения автор намеренно вставляет в текст, словно «фотографирует» сохранившееся в памяти [16, с. 486–487; цит. по: 42]; их можно воспринимать и как документальную «поддержку» поэтического материала, и как еще одно указание на «синхронность» письма по отношению к опыту заключения в «зоне», о котором повествует поэт¹⁹.

19 С этой точки зрения выделяется больше всего сборник № 25 [32]. Интересны также рисунки, вставленные В. Фроловским (1991) и отображающие как соловецкие пейзажи, так

Из приведенных наблюдений следует заключить, что поэтические тексты, созданные в условиях заключения, имеют определенное отношение к условиям порождения текста как свидетельства, а именно отношение, характеризующееся снятием тех проблем, которые автор апостериорного романного повествования должен, наоборот, решить (т. е. поиск того лагерного «я», переживающего опыт заключения, и поиск «изображающего языка»). По этим причинам прежде всего мы говорим о литературном творчестве, имеющем определенные формальные характеристики, среди которых употребление относительно простого языка, соответствие лирического Я тому Я, переживающему опыт репрессий, преобладание документальной функции над эстетической функцией.

Перевод с итальянского Е.И. Балаховской

и жилища в спецпоселениях, в сборники «Соловецкая муза» (где воспроизведены образы бывших соловецких монастырей) и «Колымский этап» (где показаны картины окружающей автора пустынной и безутешной природы, среди которых можно увидеть колымскую трассу).

Список литературы

- 1 Анна Баркова: поэт и его время. Материалы второй международной научной конференции «Калуга на литературной карте России». Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2009. 232 с.
- 2 Баркова А.А. Вечно не та / сост. Л.Н. Таганов, О.К. Переверзев; послесл. Л.Н. Таганова. М.: Фонд Сергея Дубова, 2002. 624 с.
- 3 Баркова А.А. Избранное: Из гулаговского архива / сост., подгот. текста, коммент. Таганов Л.Н., Холодова З.Я. Иваново, 1992. 297 с.
- 4 Гаген-Торн Г.Ю. Нина Ивановна Гаген-Торн — ученый, писатель, поэт // Репрессированные этнографы / сост. Д.Д. Тумаркин. Вып. 1. М.: Вост. лит., 1999. С. 308–342.
- 5 Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. London: Overseas publ. Interchange, 1974. 356 с.
- 6 Генюш Л. Сбор твораў: у 2 т. [Сборник сочинений: в 2 т.]. Минск: Лімарыус, 2010. 439 с. + 469 с.
- 7 Генюш Л. Белый сон. Стихи и поэмы / сост. Б.И. Саченко. Минск: Мастац. літ., 1990. 350 с.
- 8 Гинзбург Е. Сомнение // Колымский этап. (Поэты — узники Гулага. Малая серия. № 12). М.: Возвращение, 1991. С. 12–13.
- 9 «Годы бесконечные, мгновенные...» / сост. З. Веселая. М.: Возвращение, 2001. 140 с.
- 10 Голдовская В. Обелиск // Колымский этап. (Поэты — узники Гулага. Малая серия. № 12). М.: Возвращение, 1991. С. 20–21.
- 11 Горбаческий, А. Ч. Мотив утраченных иллюзий и мотив тишины в текстах бывших колымских заключенных // Мир русского слова. 2015. II. С. 108–114.
- 12 Домовитов Н. Зона: стихи. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1990. 673 с.
- 13 Еланцева О.П. БАМлаг в контексте истории и литературы. Из фондов дальневосточных библиотек. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 232 с.
- 14 Еланцева О.П. Поэты и поэзия БАМлага. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1994. 60 с.
- 15 Инталия: Стихи и воспоминания бывших заключенных Минлага / сост. и общ. ред. А.Я. Истогиной. М.: Весть, 1995. 260 с.
- 16 Керсновская Е. Сколько стоит человек. М.: РОССПЭН, 2006. 800 с.
- 17 Миронец Н.И. Художественная литература как источник: к историографии вопроса // История СССР. 1976. № 1. С. 125–141.
- 18 Полюс лютоści: стихи узников сталинских колымских лагерей / сост. А.Ф. Суздальцев, И.А. Паникаров. Магадан: Новая полиграфия, 2010. 255 с.
- 19 Поэзия в концлагерях / сост. А. Шифрин. Израиль: Центр исследования тюрем, психтюрем и концлагерей СССР, 1978. 110 с.
- 20 Поэзия узников Гулага. Антология / сост. С. Виленский. М.: Демократия, 2005. 992 с.

- 21 Поэты — узники Гулага / сост. З. Веселая, 2-ое изд. М.: Возвращение, 2011. 224 с.
- 22 *Пьералли К.* К вопросу изучения лагерной поэзии: особенности поэзии соловецких узников // Воспоминания соловецких узников / сост. В. Умнягин. Соловки: Изд. Солов. монастыря, 2017. Т. 5: 1927–1933. С. 32–43.
- 23 *Рикёр П.* Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- 24 *Рогинский А.* От свидетельства к литературе // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории / сост. С.С. Соловьев. М.: Литера, 2013. С. 12–14.
- 25 Соловецкая муза: Стихи и песни заключенных СЛОНа (Поэты — узники ГУЛАГа. Малая серия. № 2) / сост. В.Б. Муравьев. М.: Возвращение, 1992. 37 с.
- 26 Среди других имен [Сб. стихов узников сталинских лагерей] / сост. и вступ. ст. В.Б. Муравьева. М.: Московский рабочий, 1990. 525 с.
- 27 Стихи украинских поэтов — политических узников Воркутинских лагерей / Владимир Косовский, Евгений Чередниченко, Иван Паламарчук, Василь Петрив (Роман Писарчук); в пер. [с укр.] Марка Каганцова. Воркута: Украина, 2007. 44 с.
- 28 *Таганов Л.Н.* Как дух наш горестный живуч...: статьи, эссе, воспоминания, письма, заметка из литературного дневника стихи. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2010. 332 с.
- 29 *Таганов Л.Н.* Потаенная литература: поэзия ГУЛАГа // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Исследования и материалы / сост. А.Ю. Морыганов. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1998. С. 80–87.
- 30 *Таганов Л.Н.* «Прости, мою ночную душу...». Книга об А. Барковой. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1993. 176 с.
- 31 *Тагер Е.М.* Десятилетняя зима: Стихи. (Поэты — узники Гулага. Малая серия. № 22). М.: Возвращение, 1994. 36 с.
- 32 *Фидельгольц Ю.Л.* Много воды утекло с тех пор: Стихи. М.: Возвращение, 1995. 24 с.
- 33 *Шаламов В.Т.* Собр. соч.: в 4 т. / сост., подг. текста и примеч. И. Сиротинской. М.: Худож. лит.: ВАГРИУС, 1998. 619 с. + 508 с. + 525 с. + 493 с.
- 34 «Я той, що духом не скоривсь...» [«Я тот, чей дух не покорился...»]: сборник стихов узников Воркутинских и Интинских лагерей ГУЛАГа [сборник стихов украинских поэтов — политических узников Воркутинских и Интинских лагерей] / собраны Е. Лисовой; в пер. М. Каганцова; гл. ред. Н.М. Бейзак. Воркута: Б. и., 2011. 265 с.
- 35 *Bremeau C.* Anna Barkova. La voix surgie de glaces. Paris: Harmattan, 2010. 266 p.
- 36 *Feldman S., Laub D.* Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. New York; London, 1992. 294 p.
- 37 *Ginzburg C.* Miti, emblemi, spie: morfologia e storia. Torino: Einaudi, 2000. 251 p.
- 38 *Gullotta A.* A new perspective for Gulag Literature Studies: the Gulag Press // Studi Slavistici. VIII. 2009. P. 95–117.

- 39 *Gullotta A.* Gulag poetry: un almost unexplored field of research? // F. Fischer von Weikerstahl, K. Taidigsmann. (Hi-)Stories of the Gulag. Fiction and reality. Heidelberg, Germany: Universitätsverlag Winter, 2016. P. 175–192.
- 40 *Jurgenson L.* L'expérience concentrationnaire, est-elle indicible? Monaco: Rocher, 2003. 396 p.
- 41 *Jurgenson L.* La testimonianza letteraria come fonte storica: il caso della letteratura dei Gulag // LEA — Lingue e Letterature d'Oriente e Occidente. V. 2016. P. 267–283.
- 42 *Jurgenson L.* Les représentations du Goulag dans la littérature testimoniale: approches épistémologiques // *Dosse F., Goldstein C.* Paur Ricoeur: penser la mémoire. Paris: Seuil, 2013. P. 183–196.
- 43 *Jurgenson L., Anstett E.* Introduction // *Jurgenson L., Anstett E.* Le goulag en héritage. Pour une anthropologie de la trace. Paris: Pétra, 2009. P. 11–17.
- 44 *Mésnard Ph.* Témoignage en résistance. Paris: Stock, 2007. 419 p.
- 45 *Parrau A.* Ecrire les camps. Paris: Belin, 1995. 438 p.
- 46 *Pieralli C.* La lirica nella 'zona': poesia femminile nei Gulag staliniani e nelle carceri // Alberti A., Moracci G. Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo. Firenze: University Press, 2013. P. 221–246.
- 47 *Pieralli C.* Poesia del Gulag o della 'zona'? Problemi e prospettive per una descrizione del corpus poetico dei prigionieri politici in URSS // *Pieralli C., Delaunay C., Priadko E.* Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà europea (Biblioteca di Studi Slavistici). Firenze: University Press, Accesso ONLINE all'editore. P. 281–310.
- 48 *Pieralli C.* The Poetry of Soviet Political Prisoners (1919–1939): An Historical-Typological Framework // *Alberto A., Garzaniti M., Perotto M., Sulpasso B.* Contributi italiani al Congresso Internazionale degli slavisti (Biblioteca di Studi Slavistici). Firenze: University Press. P. 387–412.
- 49 *Ricoeur P.* La memoria, la storia, l'oblio / trad. it. di D. Iannotta. Milano: R. Cortina, 2003. 741 p.
- 50 *Šalamov V.* Il destino di poeta / a cura di A.D. Siclari. Milano: Casa di Matriona, 2006. 317 p.
- 51 *Toker L.* Return from the Archipelago. Indianapolis: Indiana University Press, 2000. 333 p.
- 52 *Toker L.* Textes littéraires et documents d'archives: entre élimination et allusion // *Anstett E., Jurgenson L.* Le Goulag en héritage. Paris: Pétra, 2009. P. 89–99.

References

- 1 *Anna Barkova: poet i ego vremia. Materialy vtoroi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Kaluga na literaturnoi karte Rossii"* [Anna Barkova: poet and her time: Proceedings of the 2nd International conference "Kaluga on the literary map of Russia"]. Kaluga, KGPU im. K.E. Tsiolkovskogo Publ., 2009. 232 p. (In Russ.)
- 2 Barkova A.A. *Vechno ne ta* [Always not the one], ed. L.N. Taganov, O.K. Pereverzev; afterword L.N. Taganova. Moscow, Fond Sergeia Dubova Publ., 2002. 624 p. (In Russ.)
- 3 Barkova A.A. *Izbrannoe: Iz gulagovskogo arkhiva* [Selected: from Gulag archive], ed. and comment. Taganov L.N., Kholodova Z.Ia. Ivanovo, 1992. 297 p. (In Russ.)
- 4 Gagen-Torn G.Iu. Nina Ivanovna Gagen-Torn — uchenyi, pisatel', poet [Nina Ivanovna Gagen-Torn — scholar, writer, poet]. *Repressirovannye etnografy* [Repressed ethnographs], ed. D.D. Tumarkin. Issue 1. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1999, pp. 308–342. (In Russ.)
- 5 Geller M. *Kontsentratsionnyi mir i sovetskaia literature* [Concentration world and Soviet literature]. London, Overseas publ. Interchange, 1974. 356 p. (In Russ.)
- 6 Geniush L. *Zbor tvoraĭ: u 2 t.* [Collection of works: in 2 vols.]. Minsk, Limaryus Publ., 2010. 439 p. + 469 p. (In Russian and Belorussian)
- 7 Geniush L. *Belyi son. Stikhi i poemy* [White dream. Poems], ed. B.I. Sachenko. Minsk, Mastats. lit. Publ., 1990. 350 p. (In Russ.)
- 8 Ginzburg E. *Somnienie* [Doubt]. *Kolymskii etap. (Poety — uzniki Gulaga. Malaia seriia. № 12)* [Poets — the prisoners of Gulag. Small series, no 12]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 1991, pp. 12–13. (In Russ.)
- 9 *"Gody beskonechnye, mgnovennye..."* [Years eternal and transient], ed. Z. Veselaia. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2001. 140 p. (In Russ.)
- 10 Goldovskaia V. *Obelisk* [Obelisk]. *Kolymskii etap. (Poety — uzniki Gulaga. Malaia seriia. № 12)* [Kolyma stage. Poets — the prisoners of Gulag. Small series]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 1991, pp. 20–21. (In Russ.)
- 11 Gorbacheskii A.Ch. *Motiv utrachennykh illiuzii i motiv tishiny v tekstakh byvshikh kolymskikh zakliuchennykh* [The motif of lost illusions and the motif of silence in the texts of former Kolyma prisoners]. *Mir russkogo slova*, 2015, II, pp. 108–114. (In Russ.)
- 12 Domovitev N. *Zona: stikhi* [Zone: poems]. Perm', Permskoe knizhnoe izdatel'stvo. Publ., 1990. 673 p. (In Russ.)
- 13 Elantseva O.P. *BAMlag v kontekste istorii i literatury. Iz fondov dal'nevostochnykh bibliotek* [BAMlag in the context of history and literature. From the funds of the Far East libraries]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 2000. 232 p. (In Russ.)
- 14 Elantseva O.P. *Poety i poeziia BAMlaga* [Poets and poetry of BAMlag]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1994. 60 p. (In Russ.)
- 15 *Intaliia: Stikhi i vospominaniia byvshikh zakliuchennykh Minlaga* [Intaliia: Poems and memoir of the former Minlag prisoners], ed. A.Ia. Istoginoi. Moscow, Vest' Publ., 1995. 260 p. (In Russ.)

- 16 Kersnovskaia E. *Skol'ko stoit chelovek* [How much does a human being cost]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 800 p. (In Russ.)
- 17 Mironets N.I. Khudozhestvennaia literatura kak istochnik: k istoriografii voprosa [Fictional literature as a source: on the historiography of the question]. *Istoriia SSSR*, 1976, no 1, pp. 125–141. (In Russ.)
- 18 *Polius liutosti: stikhi uznikov stalinskikh kolymytskikh lagerei* [The pole of ferocity: poems by the prisoners of Stalin Kalyma camps], eds. A.F. Suzdal'tsev, I.A. Panikarov. Magadan, Novaia poligrafia Publ., 2010. 255 p. (In Russ.)
- 19 *Poeziia v kontslageriakh* [Poetry in concentration camps], ed. A. Shifrin. Israel, Tsentr issledovaniia tiurem, psikhtiurem i kontslagerei SSSR Publ., 1978. 110 p. (In Russ.)
- 20 *Poeziia uznikov Gulaga. Antologiiia* [Gulag poetry. Anthology], ed. S. Vilenskii. Moscow, Demokratia Publ., 2005. 992 p. (In Russ.)
- 21 *Poety – uzniki Gulaga* [Poets – the prisoners of Gulag], ed. Z. Veselaia. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2011. 224 p. (In Russ.)
- 22 P'eralli K. K voprosu izucheniia lagernoi poezii: osobennosti poezii solovetskikh uznikov [On the study of concentration camp poetry: the specificity of the poetry by Solovki prisoners]. *Vospominaniia solovetskikh uznikov* [Memoir of the Soviet prisoners], ed. V. Umniagin. Solovki, Izd. Solov. monastyria Publ., 2017, vol. 5: 1927–1933, pp. 32–43. (In Russ.)
- 23 Riker P. *Pamiat', istoriia, zabvenie* [Memory, history, oblivience]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury Publ., 2004. 728 p. (In Russ.)
- 24 Roginskii A. Ot svidetel'stva k literature [From testimony to literature]. *Varlam Shalamov v kontekste mirovoi literatury i sovetskoi istorii* [Varlam Shalamov in the context of world literature and Soviet history], ed. S.S. Solov'ev. Moscow, Litera Publ., 2013, pp. 12–14. (In Russ.)
- 25 *Solovetskaia muza: Stikhi i pesni zakliuchennykh SLONa (Poety – uzniki GULAGA. Malaia seriia. № 2)* [Soviet Muse: Poems and songs of the SLON prisoners. Small series, no 2], ed. V.B. Murav'ev. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 1992. 37 p. (In Russ.)
- 26 *Sred' drugikh imen [Sb. stikhov uznikov stalinskikh lagerei]* [Among other names. A collection of poems by concentratn camp prisoners], ed. and intro. V.B. Murav'eva. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 525 p. (In Russ.)
- 27 *Stikhi ukrainskikh poetov – politicheskikh uznikov Vorkutinskikh lagerei* [Poems by Ukrainian poets – political prisoners of Vorkuta camps], Vladimir Kosovskii, Evgenii Cherednichenko, Ivan Palamarchuk, Vasil' Petriv (Roman Pisarchuk); trans. from Ukrainian Marka Kagantsova. Vorkuta, Ukraina Publ., 2007. 44 p. (In Russ.)
- 28 Taganov L.N. *Kak dukh nash gorestnyi zhivuch...: stat'i, esse, vospominaniia, pis'ma, zametka iz literaturnogo dnevnika stikhi* ["How tenacious is our grievous spirit...": articles, essays, memoir, letters, journal entries, and poems]. Ivanovo, Ivanovskii Gos. Universitet Publ., 2010. 332 p. (In Russ.)

- 29 Taganov L.N. Potaennaia literatura: poeziiia GULAGa [Underground literature: GULAG poetry]. *Voprosy ontologicheskoi poetiki. Potaennaia literatura. Issledovaniia i materialy* [The issues of ontological poetry. Underground literature. Studies and materials], ed. A.Iu. Moryganov. Ivanovo, Ivanovskii Gos. Universitet Publ., 1998, pp. 80–87. (In Russ.)
- 30 Taganov L.N. “Prosti, moi u nochnuiu dushu...”. *Kniga ob A. Barkovoi* [“Forgive my nocturnal soul...”. A book about A. Barkova]. Ivanovo, Ivanovskii Gos. Universitet Publ., 1993. 176 p. (In Russ.)
- 31 Tager E.M. *Desiatiletniia zima: Stikhi. (Poety – uzniki Gulaga. Malaia seriia. N° 22)* [Ten year winter: Poems (Poets – the prisoners of Gulag. Small series, no 22)]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 1994. 36 p. (In Russ.)
- 32 Fidel’gol’ts Iu.L. *Mnogo vody uteklo s tekh por: Stikhi* [“Much water has flown since: Poems”]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 1995. 24 p. (In Russ.)
- 33 Shalamov V.T. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collection of works: in 4 vols.], ed., comment. I. Sirotinskaya. Moscow, Khudozh. lit.; VAGRIUS Publ., 1998. 619 p. + 508 p. + 525 p. + 493 p. (In Russ.)
- 34 “*Ia toi, shcho dukhom ne skorivs’...*” [“*Ia tot, chei dukh ne pokorilsia...*”]: *sbornik stikhov uznikov Vorkutinskikh i Intinskikh lagerei GULAGa [sbornik stikhov ukrainskikh poetov – politicheskikh uznikov Vorkutinskikh i Intinskikh lagerei]* [“I am the one whose spirit has not surrendered...” A collection of poems by prisoners of Vorkuta and Intinsk GULAG camps], collected by E. Lisovaya; trans. M. Kagantsova; ed. N.M. Beizak. Vorkuta, without Publ., 2011. 265 p. (In Russ. And Ukrainian)
- 35 Bremau C. *Anna Barkova. La voix surgie de glaces.* Paris, Harmattan, 2010. 266 p. (In French)
- 36 Feldman S., Laub D. *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History.* New York; London, 1992. 294 p. (In English)
- 37 Ginzburg C. *Miti, emblemi, spie: morfologia e storia.* Torino, Einaudi, 2000. 251 p. (In Italian)
- 38 Gullotta A. A new perspective for Gulag Literature Studies: the Gulag Press. *Studi Slavistici*, VIII, 2009, pp. 95–117. (In English)
- 39 Gullotta A. Gulag poetry: un almost unexplored field of research? *F. Fischer von Weikerstahl, K. Taidigsmann. (Hi-)Stories of the Gulag. Fiction and reality.* Heidelberg, Germany, Universitätsverlag Winter, 2016, pp. 175–192. (In English)
- 40 Jurgenson L. *L’expérience concentrationnaire, est-elle indicible?* Monaco, Rocher, 2003. 396 p. (In French)
- 41 Jurgenson L. La testimonianza letteraria come fonte storica: il caso della letteratura dei Gulag. *LEA – Lingue e Letterature d’Oriente e Occidente*, V, 2016, pp. 267–283. (In Italian)
- 42 Jurgenson L. Les représentation du Goulag dans la littérature testimoniale: approches épistémologiques. *Dosse F., Goldstein C. Paur Ricoeur: penser la mémoire.* Paris, Seuil, 2013, pp. 183–196. (In French)

- 43 Jurgenson L., Anstett E. Introduction. *Jurgenson L., Anstett E. Le goulag en heritage. Pour une anthropologie de la trace*. Paris, Pétra, 2009, pp. 11–17. (In French)
- 44 Mésnard Ph. *Témoignage en résistance*. Paris, Stock, 2007. 419 p. (In French)
- 45 Parrau A. *Ecrire les camps*. Paris, Belin, 1995. 438 p. (In French)
- 46 Pieralli C. La lirica nella 'zona': poesia femminile nei Gulag staliniani e nelle carceri. *Alberti A., Moracci G. Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo*. Firenze, University Press, 2013, pp. 221–246. (In Italian)
- 47 Pieralli C. Poesia del Gulag o della 'zona'? Problemi e prospettive per una descrizione del corpus poetico dei prigionieri politici in URSS. *Pieralli C., Delaunay C., Priadko E. Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà europea (Biblioteca di Studi Slavistici)*. Firenze, University Press, Accesso ONLINE all'editore, pp. 281–310. (In Italian)
- 48 Pieralli C. The Poetry of Soviet Political Prisoners (1919–1939): An Historical-Typological Framework. *Alberto A., Garzaniti M., Perotto M., Sulpasso B. Contributi italiani al Congresso Internazionale degli slavisti (Biblioteca di Studi Slavistici)*. Firenze, University Press, pp. 387–412. (In Italian)
- 49 Ricoeur P. *La memoria, la storia, l'oblio*, trad. it. di D. Iannotta. Milano, R. Cortina, 2003. 741 p. (In Italian)
- 50 Šalamov V. *Il destino di poeta*, a cura di A.D. Siclari. Milano, Casa di Matrona, 2006. 317 p. (In Italian)
- 51 Toker L. *Return from the Archipelago*. Indianapolis, Indiana University Press, 2000. 333 p. (In English)
- 52 Toker L. Textes littéraires et documents d'archives: entre éliision et allusion. *Anstett E., Jurgenson L. Le Goulag en héritage*. Paris, Pétra, 2009, pp. 89–99. (In French)